

Репортаж из преисподней

«Сын Саула» (*Son of Saul*)

Режиссер Ласло Немеш

Венгрия, 2015, 107 мин.

Этот фильм очень трудно смотреть. Мало того, что основное действие происходит не просто в аду — в Аушвице, — оно происходит в последнем круге ада — там, где составленная из заключенных зондеркоманда сжигает в топках удушенных в газовых камерах людей. Вдобавок к этому зритель должен по-особому напрячься и настроиться, чтобы верить происходящему. Один мальчик каким-то чудом не задохнулся в газовой камере, его вытащили оттуда ни живым, ни мертвым. Члену зондеркоманды истопников ада по имени Саул показалось, что это его сын. По всей видимости, никакого сына у него не было, ему именно показалось. Но дело не в этом.

Следует понимать символически: все евреи — семья, все человечество — семья, если у тебя есть душа, ты должен воспринимать всякого несчастного мальчика как сына. Вот как-то так. Потом мальчик, не приходя в себя, умирает в лагерьном лазарете, Саул выкрадывает его тело и задается целью похоронить его, чтобы над ним прочитали кадиш. Дальше он в поисках

раввина весь фильм обсессивно мечется среди дымящегося ада, нарушая все лагерные орднунги, проникая в зоны, куда не имеет права ступить, оставаясь живым в ситуациях, где живым остаться невозможно. Заточенный на свою цель, Саул абсолютно лишен страха, поэтому он как замороженный. Где другого бы в момент убили, его пропускают или не замечают. Ну это, положим, психологически объяснимо. Когда у тебя есть билет в театр, ты можешь пройти мимо контролеров, не показывая его, и тебя пропустят. Пытаясь же пройти без билета, ты излучаешь напряжение, на улавливание которого контролеры наострены.

Так или иначе, неуязвимость Саула тоже следует принимать как высокую художественную условность: он не может погибнуть, пока не добьется своего, вот и все. Я готов это принимать, не такой уж я унылый реалист, чтобы придирается ко всяким мелочам. Хуже другое: фильм никуда не движется, через пятнадцать минут ясно — вот так Саул и будет до последнего кадра метаться в аду.

***Фильм никуда не движется, через пятнадцать минут
ясно — вот так Саул и будет до последнего кадра
метаться в аду***

Характер самого Саула тоже не движется: куда ему двигаться, если перед нами зомби, все сознание которого сфокусировалось в одной точке? Мне могут возразить, что он не зомби, а одержимый высокой духовной целью человек, вот, мол, какие чудеса может совершать дух человеческий и т.п.

Но вы же не будете со мной спорить, что фильм все-таки должен развиваться и быть в определенной мере непредсказуемым? Но он не развивается. Точнее, у него другая форма развития — нарастание ужасного. Что ж, зритель с нервами-канатами может это выдержать и считать, что смотрит необыкновенно «сильный» фильм. Зритель с такими нервами, как у меня, в какой-то момент отупевает, наступает фаза запредельного торможения по Павлову. Но у жюри Каннского фестиваля, американского «Золотого глобуса», «Оскара» и пр. нервы, очевидно, очень сильные, они досмотрели картину до конца и хором воскликнули «Браво!».

Один критик написал: «Это поразительное, совершенно оригинальное и свежее прочтение темы Холокоста, трагическая фреска, мощно затягивающая нас в свою воронку». Другой отмечал: «Снятая на 35-миллиметровой пленке в тошнотворных зеленоватых и желтоватых тонах с глубокими мрачными тенями, эта картина — выдающееся достижение оператора Матьяша Эрдея, но она не достигла бы и половины своего воздействия без шоковых эффектов саундтрека, великолепно дополняющих это зрелище тотального ужаса». Третий: «Грандиозное достижение в ряду фильмических охудожествлений (filmic fictionalizations) Холокоста».

Очень хорошо. Но я вот думаю: «А зачем свежо прочитывать тему Холокоста? Это что, затершийся шлягер? Зачем шоковые эффекты саундтрека? Неужели Аушвиц без этого не шокирует?»

А зачем свежо прочитывать тему Холокоста? Это что, затершийся шлягер? Зачем шоковые эффекты саундтрека? Неужели Аушвиц без этого не шокирует?

«Ну как же, как же. Это же все-таки искусство! И надо, чтобы люди не забывали. А чтобы они не забывали, не грех покрепче ударить их по мозгам». На это можно ответить словами Теодора Адорно: «Писать стихи после Освенцима — варварство». Люди, конечно, все равно пишут. Пауль Целан, например, написал «Фугу смерти», а через некоторое время бросился с моста. Значит, писать стихи после Освенцима и даже про Освенцим можно, но для подтверждения права на это надо, скажем, заплатить жизнью. А смаковать «зеленоватые и желтоватые тона» крематория — мне кажется, в этом есть некое извращение.

Режиссер Ласло Немеш получает свой «Оскар»

Но, может быть, не извращение. Просто дело обстоит так. Все-таки прошло 70 лет. Все забывается, даже самое прекрасное и ужасное. Но ведь есть вещи, которых забывать нельзя? И вот, руководствуясь благой целью — заставить человечество не забывать, не спать! — художники, берущиеся за тему

Холокоста, даже если это не конъюнктурщики, прибегают ко все более причудливым, экзотическим сюжетам и шокирующим эффектам, все чаще балансируя на грани патологии или переступая ее. Но правильно ли это, нет ли тут заблуждения? Во-первых, все было гораздо проще и ужаснее: Ханна Арендт выразила это в двух словах: «банальность зла». Во-вторых, шоковые эффекты, как слишком часто применяемые антибиотики, перестают действовать. И чем же тогда лечить? И как же тогда будить память и совесть?

Шоковые эффекты, как слишком часто применяемые антибиотики, перестают действовать. И чем же тогда лечить?

Не знаю. Я думаю, что если художники так беспокоятся, что совесть человечества уснула, им не обязательно показывать Аушвиц в зеленоватых тонах. Есть более современные и, рискну предположить, более актуальные темы. Например, мне было бы интересно посмотреть французский художественный фильм о каком-нибудь профессоре Сорбонны, интеллигентном человеке, махровом антисемите. Или фильм об американском колледже, где травят студента, проголосовавшего за Дональда Трампа. Хорош Трамп или плох, но такая травля — разве это не «обыкновенный фашизм»?

Но что-то нет таких картин. Все Холокост да Холокост. Почему так много фильмов о нем? Чтобы не забывали, чтобы не повторилось! Ну да, ну да. Но, кроме того, снимать фильмы о Холокосте — дело благородное, смелое и... безопасное. И верное. И, страшно даже сказать, легкое.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»